

Формирование письменной речи в Школе диалога культур: возможны варианты?

Л.А. Месеняшина, О.Г. Хохловская

В статье рассматривается вопрос: требуют ли экономические, социальные и культурные изменения в современном обществе последних лет появления методологических вариантов в процессе формирования письменной речи? Вопрос решается на материале разработанной в рамках Челябинской экспериментальной площадки методологии формирования письменной речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Школа диалога культур, письменная речь, современный школьник, клиповое мышление, билингвизм, виртуальные миры, варьирование.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определённых объёма и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [10: гл. 1, ст. 2], а обучение как «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни». (Там же.)

Задача настоящей статьи – поиск ответа на вопрос: задают ли новые социальные условия потребность и возможность варьирования основных методологических принципов формирования письменной речи в рамках концепции «Школа диалога культур» (далее ШДК), одной из важнейших задач которой является формирование Человека учащегося?

Работы Т.П. Авдуловой, Р.Н. Бунеева, Л.С. Илюшина, С.А. Лысиченковой, В.С. Собкина, С.В. Тарасова, Е.М. Торшиловой и др. доказывают, что современный школьник существенно отлича-

ется от своего сверстника конца прошлого века и что изменения разнообразны.

Рассмотреть все отмеченные учёными особенности и изменения в свете методологической концепции ШДК в рамках небольшой по объёму статьи не представляется возможным, поэтому мы остановимся на отдельных феноменах современной действительности, таких как клиповое мышление, билингвизм и соотношение реального и виртуального в сознании современного человека.

Исследования так называемого клипового мышления показывают: мозг человека стремительно меняется в сторону способности перерабатывать огромные объёмы информации, поданной в динамичной, даже агрессивной форме. Обратная сторона этого процесса – низкий уровень обучаемости; невозможность создавать новые информационные поля, а только существовать в пределах имеющихся; неспособность фиксироваться на предмете продолжительное время. По сути, речь идёт о новом типе культуры, об иной логике культуры и новом типе мышления. Формат СМИ заставляет мозг совершать фундаментальную ошибку осмысления: считать события связанными, если они имеют близость временную, а не фактологическую. В результате резко снизился коэффициент усвоения знаний, наблюдается ослабление чувства сопереживания, ответственности. Мозг современных детей перегружается информацией, причём именно визуального характера, от которой были защищены предыдущие поколения.

Ещё одна проблема, способная повлиять на изменение методов и приёмов в процессе формирования письменной

речи в ШДК, – это явление билингвизма. Билингвизм в современном мире следует признать весьма распространённым явлением. Известно, что к настоящему моменту билингвизм охватывает почти половину детей на нашей планете [12]. К ещё более интенсивному развитию билингвизма привела многовековая целенаправленная политика экспорта английского языка во многие страны мира.

В России увеличение числа детей-билингвов, обусловленное в первую очередь активизацией миграционных потоков населения, а во вторую – искусственным билингвизмом, связанным с изучением английского языка, создаёт проблемы в преподавании русского языка.

Что касается соотношения реального и виртуального в сознании современного человека, то сегодня в педагогике существуют предположения о том, что нужно идти вслед за изменяющейся действительностью, идти «на поводу» у стремления современных школьников к лёгкости и комфортности интеллектуальной деятельности. Конечно, учитывать особенности мышления и восприятия современных школьников нужно, но обучение, как пишет Л.С. Выготский, не должно идти вслед за развитием: «Обучение только тогда хорошо, когда оно идёт впереди развития. Тогда оно пробуждается и вызывает к жизни целый ряд функций, находящихся в стадии созревания, лежащих в зоне ближайшего развития» [1: 433].

Кроме того, телевидение и Интернет как источники виртуальной действительности ещё и «поставщики» многочисленных проблем, связанных с развитием, а точнее, с недоразвитием детей. Особой разновидностью виртуального мира, виртуальной коммуникации лингвисты называют использование интернет-технологий [4]. Благодаря компьютерным технологиям возникают новые специфические виртуальные реальности. Попадая в виртуальные миры, язык, языковое мышление также способны подвергаться изменениям.

Таким образом, можно предположить, что формируется принципиально новый тип символического существования человека, культуры, социума – оцифрованный, если так можно выразиться. Игак, наблюдается переплетение двух встречных инновационных процессов: с одной стороны, социальная реальность всё более символизируется, с другой – развитие техники породило

особую, техническую виртуальную среду, в результате чего «виртуальность» социальных форм начала обретать форму технической виртуальности. Наиболее интенсивное вхождение виртуальной реальности мы обнаружим в средствах массовой информации. Именно на основании их виртуализации мы можем говорить о фактах вытеснения отражения действительности её симуляцией. Однако в своё время Л.С. Выготский писал: «Если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отражения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания» [1: 509]. Исходя из выводов о характере «вторжения» виртуального в реальное и опираясь на высказывание Л.С. Выготского, можно предположить, что вытеснение процесса отражения действительности и замена его симуляцией способствует нивелированию человеческого сознания.

Существуют ли в концепции ШДК методологические ответы на перечисленные три проблемы, в частности в методиках формирования письменной речи, выработанных в рамках данной концепции? С высокой степенью вероятности можно ответить на этот вопрос положительно.

Культурологическая доминанта в концепции ШДК предполагает сохранение, развитие и актуализацию в процессе диалога всех типов мышления ребёнка – имеющихся, зарождающихся или прогнозируемых. В связи с этим новая информационная культура мышления – лишь повод для расширения культурологических альтернатив. Но основная трудность, связанная с появлением нового типа мышления, состоит в том, что в основе концепции ШДК лежит культурологически понимаемая идея рекапитуляции, в соответствии с которой чем позднее в истории появляется тот или иной тип культуры, тем старше должен быть школьный возраст, которому этот тип культуры соответствует. Однако, как показывают вышеперечисленные труды культурологов и психологов, достоинства клипового мышления действительно реализуются в период поздней юности, недостатки же его проявляются уже к началу школьного обучения.

Один из основателей концепции ШДК С.Ю. Курганов отмечал, что В.В. Давыдов, неизменно положительно отзывавшийся о ШДК в научных публикациях, в качестве едва ли не единственного недоумения заметил, что создатели

ШДК, кажется, слишком прямолинейно понимают идею рекапитуляции [3]. Возможно, критика справедлива, тем более что опыт ШДК неоднократно это подтверждал. Элементы архаического мышления нередко перемежались у второклассников с элементами нововременного и даже мышления новейшего времени. С.Ю. Курганов подчёркивал также, что в начальную школу ребёнок приходит с некоторым набором знаний, часть из которых догматически усвоена из опыта взрослых, часть же приобретена эмпирически – собственным, хотя и ограниченным, опытом. Всё это позволяет предположить, что элементы клипового мышления ученика начальной школы есть результат его собственного эмпирического опыта. Одной из важнейших задач учителя-диалогиста в первом классе С.Ю. Курганов считает «провоцирование» школьника на сомнения в истинности как догматически, так и эмпирически усвоенных им знаний, что побуждает ученика младших классов переходить от доминанты сознания к доминанте мышления.

Принципы и основные черты программ по формированию письменной речи, осмысляющиеся В.Ф. Литовским, Т.А. Росийчук, Р.С. Пановой, П.С. Третьяковой и др.*, подробно изложены в их работах [5, 6, 8, 9].

Обратим внимание на то, что в ходе эксперимента «сложившийся в дошкольном опыте младшего школьника навык творения знаков и их интерпретации наполняется культурологическим содержанием, вступая в равноправный диалог с уже существующими в культуре способами фиксации человеческой мысли и речи» [6: 63]. Именно эта черта отражает один из важнейших принципов ШДК – побуждать первоклассника переходить от доминанты сознания к доминанте мышления. Именно в ходе создания игровой ситуации, имитирующей культурную задачу – организацию общения в условиях пространственно-временного разобщения, и создания игрового мотива к письму как высказыванию и как графической деятельности одновременно «усомневаются», во-первых, хорошо известный ребёнку из его дошкольного опыта навык творения знаков и их интерпретации в ходе игры, а во-вторых, «догматически» усвоенный от взрослых навык буквенного письма, взыскательку современные первоклассники, как правило,

техническим навыком письма владеют. Игровая ситуация позволяет детям неожиданно для себя обнаружить функциональное сходство между рисунком (рисуночным письмом) и письмом буквенным, с одной стороны, и принципиальные различия между ними – с другой, что становится предметом длительных и глубоких размышлений и споров по этому поводу. Данный подход «эксплуатирует» устойчивый навык восприятия информации в визуальной форме и устраняет противоречие между практикой восприятия изображения и восприятия текста.

Продумывая композицию рисуночного письма, ребёнок вынужден решать важную, в сущности философскую, задачу: как за счёт пространственного взаиморасположения изображений передать временные и причинно-следственные отношения между событиями. И этот путь позволяет преодолеть такую фундаментальную ошибку осмысления, свойственную клиповому мышлению, как смешение отношений «после этого» и «по причине этого».

Что касается связанного с «клиповым мышлением» ослабления чувства сопереживания, ответственности, то следует отметить, что действительно у многих первоклассников отмечается этот недостаток. Так, эксперименты П.С. Третьяковой, проводившиеся в 2007–2008 учебном году, позволили заметить некоторый недостаток отзывчивости, готовности прийти на помощь персонажу игры. В отличие от детей 90-х гг., которые легко и охотно придумывали разнообразные планы организации побега игрового персонажа, первоклассники XXI в. предпочитали обращаться за помощью к феям и волшебницам [9]. Однако, втянувшись в игру, дети не только спасли попавшую в беду Русалочку, но даже сочли слишком суровым наказание, придуманное ими для Ведьмы, и нашли способ смягчить его.

Проблему отмечаемого учёными низкого уровня обучаемости, также обусловленную клиповым мышлением, помогает решить сократический диалог – один из важнейших типов диалога, используемых в ШДК. Включая учащихся в напряжённый поиск истины, сократический диалог создаёт условия для самопреобразования каждого из участников, что смещает фокус внимания с задачи обучения на задачу самопознания, в том числе познания уровня

* Исследователей настоящего направления объединяет сотрудничество с сектором ШДК Учебно-научной лаборатории межкультурных коммуникаций при Челябинском университете.

своих знаний, умений, состояния собственной личности и т.д.

Таким образом, мы видим, что программа формирования письменной речи в ШДК, разработанная указанным выше научным сообществом, позволяет не только преодолеть недостатки «клипового мышления» младших школьников, но и использовать новые возможности, предоставляемые им.

Что касается фактора билингвизма, то основная лингводидактическая проблема, связанная с ним, – нарастание доминирования прагматического аспекта языка и речи над нормативным. В частности, это проявляется в том, что билингвы владеют меньшим запасом слов, чем монолингвы [2], привносятся в языки элементы межъязыковой интерференции, что, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние и на детей-монолингвов. С другой стороны, оперирование двумя языками даёт возможность билингву «обобщить явления родного языка», как писал Л.С. Выготский [1: 433], и тем самым продвигаться на пути осознания собственной речи как культурной деятельности. Процесс формирования письменной речи в ШДК принципиально строится на использовании потенциального детского билингвизма: способности наряду с родным языком – русской разговорной речью – овладеть кодифицированным литературным языком. «Работа в режиме ШДК, постоянно подвергающая сомнению созданные детьми естественные изобразительные произведения, приводит к трансдукции жанров естественной письменной речи в жанры квалифицированного литературного языка, что, в конечном счёте, позволяет сформировать у младших школьников навыки именно неспонтанной речи в разных жанрах квалифицированного литературного языка, как письменных, так и устных» [5: 266]. Таким образом, явление билингвизма не только не противоречит методологии ШДК, но и способствует её реализации, так как двуязычие – обязательное условие языкового образования в ШДК. Впрочем, это не означает, что проблема детей-билингвов разрешится сама собой. Особенности мышления билингвов должны быть учтены при формировании методических вариантов формирования письменной речи.

Наконец, о проблеме соотношения реального и виртуального в сознании современного школьника. Способность создавать виртуальные миры – исключительно человеческая способность, и

ребёнок реализует её впервые задолго до того, как знакомится с Интернетом, ибо мнимая ситуация (Л.С. Выготский) есть не что иное, как виртуальный мир. Факты «вытеснения отражения действительности её симуляцией» – это частный случай так называемого пуэрилизма [11], т.е. произвольного смешения игры и неигры. ШДК выработала против этого надёжное средство, которым является последовательная организация познавательного процесса как процесса интерпретационного; иначе говоря, ребёнок привыкает интерпретировать изменения в мире (виртуальном или реальном – в данном случае несущественно), прежде чем реагировать на эти изменения. Поскольку пути реализации концепции ШДК, как отмечал В.С. Библер, состоят в развитии четырёх способностей учащегося: 1) способности понимания, 2) способности непонимания, 3) способности остановиться перед началом деятельности, 4) способности изменить свою деятельность.

Таким образом, в ходе анализа репрезентаций программы формирования письменной речи в парадигме ШДК в современных условиях на примере трёх характерных особенностей современного общества, отличающих школьника как субъекта процесса формирования письменной речи в XXI веке от его ровесников из прошлого века, удалось установить, что основные черты этой программы успешно выдерживают испытание проблемами нашей эпохи и дают достойный ответ на её вызовы. Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях XXI века целесообразно допустить варьирование в следующих моментах:

- избавиться от слишком узкого, буквального понимания теории рекапитуляции, принимая во внимание одновременное сосуществование в психике ребёнка элементов разных культурных типов мышления;

- на этом основании следует уравнивать в правах невербальные графические и вербальные письменные произведения первоклассников, обеспечив напряжённый диалог между этими двумя способами выражения смыслов;

- усилить в восприятии детей момент несовпадения между разговорной речью и кодифицированным литературным языком для актуализации билингвального потенциала младших школьников;

- обеспечить диалогическое обсуждение конфликта между реальным и виртуальными мирами.

Литература

1. *Выготский, Л.С.* Мышление и речь / Л.С. Выготский // Психология. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. *Залевская, А.А.* Некоторые спорные вопросы теории двуязычия / А.А. Залевская // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие ; отв. редакторы С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. – М. : Языки славянской культуры. – 2011. – С. 33–47.
3. *Курганов, С.Ю.* ШДК, ТВО и другие аббревиатуры (к итогам 4-го античного класса ШДК) [Электронный ресурс] / С.Ю. Курганов // <http://www.culturedialogue.org/archive/sdc-dialogues/msg00442.html> – дата обращения – 3.03.14
4. *Лутовинова, О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О.В. Лутовинова. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. – 496 с.
5. *Месеняшина, Л.А.* Графическая речь младших школьников: шаг к естественной письменной речи или к кодифицированному литературному языку? / Л.А. Месеняшина // Онтолингвистика – наука XXI века. М-лы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена. 4–6 мая 2011 г., СПб. : «Златоуст». – 2011. – С. 263–266.
6. *Месеняшина, Л.А.* Формирование письменной речи в Школе диалога культур: спорные моменты // Языковое образование учащихся младших классов. Коллект. моногр. – М. : Владос, 2013. – С. 62–79.
7. *Пименова, М.В.* Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) / М.В. Пименова // Концептосфера и языковая картина мира ; отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – С. 26–37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
8. *Поспелова, Л.М.* Школьная психология нового типа в действии / Л.М. Поспелова, О.Г. Хохловская // Начальная школа плюс До и После. – № 6. – 2010. – С. 19–23.
9. *Третьякова, П.С.* Синтагматика графической речи / П.С. Третьякова // М-лы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена. 4–6 мая 2011 г., СПб. : «Златоуст». – 2011. – С. 272–276.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 7.07.2013).
11. *Хейзинга, Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992.
12. <http://www.pokrovka.dp.ua/> (дата обращения: 8.03.2014).

Людмила Александровна Месеняшина – доктор пед. наук, канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка, Челябинский государственный университет;

Ольга Геннадьевна Хохловская – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, Челябинский государственный университет, г. Челябинск.